

10 ноября 1982 г. ♦ № 45 (4903)

«...МОЙ СТИХ, КАК СВИРЕЛЬ ИЗ ЗЕЛЕНОЙ РАКИТЫ»

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Григоре ВИЕРУ

Перед Родиной
верно склонись.
Ниже взгляда ее
не клонись —
прямо стой перед ней,
как скала,
чтоб читать
по глазам могла.

РАДОСТНО и тревожно любить поэта, так живущего своим временем, как Григоре Виеру. Откуда дана ему сила настолько глубоко и точно почувствовать болевые точки века? Что это? Интуиция художника?..

Лирический герой Виеру неожиданно, но закономерно стал в ряду тех, кого можно назвать «героем нашего времени»: быть может, именно благодаря тому, что думал медленно, когда, порою, время тополилось. И вдруг они, герой и время, поравнялись и пошли вместе, беседуя о детстве, природе, доброте как в начале всех начал, о тех простых, извечных истинах, которые для души человеческой — словно хлеб насущный.

Нет ничего удивительного в том, что окружающие поэта люди воспринимают его как хранителя и защитника. Односельчане зачастую просят его быть посредником в их спорных делах, ему пишут о нависшей над источником или рощей угрозе, у него ищут защиты от бюрократа, потому что он, как и некоторые его собратья по перу (на память сразу же приходит имя латышского поэта Имманта Зиедониса), выступает заступником, борцом за справедливость и добро. Все просто-напросто убеждены: человек, пишущий столь просто и сердечно, должен и действовать сообразно. Каким-то внутренним чутьем люди угадали в нем главное: Виеру не только творит как художник, он и живет как творит — и это далеко не каждому доступное равенство души и глагола. Порой мне думается, что, даже если бы Виеру пошел по воле случая в учителя или, к примеру, в агронома, он все равно на любом месте остался бы поэтом.

Поэт постоянно подчеркивает свою неразрывную связь с землей, с родным краем. И к природе он обращается как к своеобразной точке отсчета, мерило истинности наших чувств и поступков. Образы, у него поэтизированные, словно летний тихий дождь, действуют просветляюще, объясняют многое в облике самого поэта.

Многие дотошные критики подступают к нему с вопросами: зачем так много стихов о детстве, матери, земле, любви?.. Сколько можно и как не устать писать об одном и том же? В сущности же они спрашивают сакрального: как ты живешь? И Виеру отвечает, отвечает на это в каждой своей строчке, где слилась жизнь поэта и судьба родной земли.

Я все беру у тебя,
Молдова.
Прямую походку беру
у твоих тополей.
Достойный поклон —
у колодцев твоих,
у столетних дубов —
постоянство.
У холмов твоих,
полных богатствами,
скромность беру.

У могил твоих предков
клянусь я
любить тебя вечно,
пока не умру.

Неспроста читатель относится к стихам Виеру так, словно каждое из них — «письмо от близкого человека». В русской поэзии подобное было с Николаем Рубцовым.

Неслучайно, без назойливой «эстрадной непосредственности», без той «полунтеллектуальной путаницы, составляющей манеру многих наших современных поэтов», по словам Мариса Чаклайса, вошел Виеру в советскую литературу. Посреди «ниспровержения» авторитетов классиков, громкой романтики, охрипшей от речитативов, посреди множества других охвативших нашу поэзию увлечений он одним из немногих не стеснялся говорить о своей судьбе: писал о матери, родной деревне, и за этими словами вставала наша большая Родина. Чувством отчий стороны проникнуты многие стихи Виеру: как в малой капле отражается небо, так в его творчестве отразились судьбы и надежды молдавского народа.

Виеру изначально верен той тихой тропке, которая ведет к утверждению иного мироощущения, иного стиля, чем тот, что предполагалось скорее читателя, нежели простому слушателю. Нет, невозможно читать громким голосом его стихи: в них все так доверчиво-безыскусно, целно и очень лично. Поэт заставляет нас всматриваться в суть пред-

мета, точнее — в его понимание предмета. Похоже, он напрочь забыл, что слова уже давно «прилипли» к вещам и тем самым как бы их обесмыслили. И Виеру называет все заново: мать — Матерью, волосы любимой — «звездным ливнем». Эминеску — «огненной слезой Вселенной», утро — «воскресеньем дня».

Есть и трагедия слов.
Между собой
они борются
за существование.
Появляются новые слова
и заглатывают другие,
более слабые и старые.
Нейлон, например,
теснит нашу честную
скромную коноплю.

Но есть слова бессмертные:
мама, родина,
любовь.

Эти слова
заставляют вибрировать
воздух!

Если к уху их поднести,
точно в раковине морской,
можно услышать,
как наши предки
произносили их.

Переводчики еще не успевают за стихами Виеру. За ясностью его стиля стоит сложное, метафорическое мышление. Как перевести хотя бы такое выражение: «кад. пе. апэ»? Вроде бы это — «падающая вода». А прочтешь все стихотворение — и понимаешь, что поэт имел в виду... погружение в вечность. Что ж, Виеру — поэт философичный, но не ложной многозначительностью, не нагромождением изысканных образов, а многозначительностью истинной: за первым впечатлением от стиха тут же возникают, открываются второй и третий смыслы. Словно зеркала грань разделяет каждое из поэтических мгновений: по одну сторону — непосредственное чувствование, по другую — ораторствующий дух. Может быть, потому никто из переводчиков, довольно удачно переводящих других молдавских поэтов, не рискует «единолично» взяться за все стихи Виеру последних лет в целом. Он слишком прост, говорят одни. И излишне фольклорен, добавляют другие.

Да, Молдова певучая, ее хоры и доины звучат в его строках. Легкого прочтения без знания сказочной «Миорицы», «Мастера Манолес» и других творений молдавского фольклора стихи Виеру не обещают. Их пластический рисунок, психологический склад, балладные интонации и величавость — все оттуда. Не случайно сам поэт считает свое поколение фольклорным. И заимствует Виеру из фольклора не столько ритмику и метафоры, сколько внутренний драматизм, без чего стихи казались бы просто ярко раскрашенным лубком, подделкой, стилизацией.

О своем творчестве для детей Виеру говорит по-разному — иногда как бы отшучиваясь, понарошку: мол, ему тоже хочется спрятаться во время дождя в домик улитки и рассказывать там разные истории. При этом поэт и в детских стихах моделирует мир взрослых отношений: «Замкнуто живет улитка. То не жизнь, а просто пытка! Маленькой, во тьме ночной как не скучно ей одной?» Он предостерегает от легковесного отношения к поэзии, адресованной детям, не хочет выступать в роли снисходи-

тельного взрослого и сам находит ответ, почему верен этому жанру: «Работа над букварем очищает мои мысли».

Виеру написал «Албинуцу» — азбуку для молдавских ребятишек. Ее нарядная синяя «рубашка» — как светлячок на книжной полянке: глаз сам находит. Поэту важно, чтобы дети чувствовали себя свободно и раскованно в атмосфере родного языка. Он собрал все побасенки, пословицы, поговорки, коротенькие сказочки, которые знал или сам выдумал. Ничего не забыл — ни колокольчика, ни родника, ни солнышка и сто раз повторил имя Матери: непозитива, одна, береги... Издательство «Детская литература» высоко оценило эту книгу и выпустило «Веселую азбуку» на русском языке. Иначе и быть не могло: все лучшее, чем вправе гордиться народ каждой из братских республик, рано или поздно становится достоянием всей нашей многоязычной страны.

Интервью, которые дает Виеру, несколько напоминают разговоры с самим собой. Предельно откровенные и порой неуловимо насмешливые, его ответы со встречными вопросами собеседнику обнаруживают завидную сосредоточенность мысли, ее афористическую точность.

Суждения поэта зачастую неожиданны и спорны. Вопрос: «Что такое классик и к какому времени он, по-вашему, принадлежит?» Ответ: «Классик — это тот, кто, как источник, вновь и вновь рождается сам из себя. Классики обогнали время, а время нас обгоняет. Вот почему в художественной практике мы чаще встречаемся с временем классиков, чем с нашим собственным». Вопрос: «Считаете ли вы, что принадлежите к какому-нибудь литературному поколению?» Ответ: «Что касается меня, то я, наверное, принадлежу к поколению, сформировавшемуся в шестидесятых годах, с его победами, неудачами, замыслами и разочарованиями...». Вопрос: «Что значит для вас любовь к матери?» Ответ: «Меланхолическая любовь взрослого человека к матери означает желание вновь стать ребенком и сознание невозможности этого. Мама — это наше составившее детство».

Структура поэтического мира Григоре Виеру такова, что он замыкает пространство своего творчества четырьмя линиями-мотивами: песни о матери, песни земли, песни любви, песни для детей. И вроде получилась рамка для картины. Поэт набросал на холст фольклорное разноцветье, растер эгегическую желтую краску Эминеску и добавил сияние детских воспоминаний. Но картина-то оказалась окном, распахнутым в широкий, удивительный мир, где листья блещут после дождя, как влажные губы, где ласточки обрушиваются из облаков беспорядочно, словно листья, гонимые ветром, где весело и странно сияет чутко-голубой воздух.

Е. ШАТОХИНА

КИШИНЕВ